

ISBN 978-1-64655-115-6

SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY
LIBRARY.RU

Google™
scholar

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

**LIBRARY OF
CONGRESS (USA)**

XXI INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

Boston. USA. December 28-29, 2021

ISBN 978-1-64655-115-6

UDC 08

**XXI INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE»
(Boston. USA. December 28-29, 2021)**

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2021

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. XXI INTERNATIONAL
CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE (Boston, USA, December 28-29,
2021). Boston. 2021**

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: *VALTSEV SERGEI*
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD in Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD in Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Zelenkov M.YU.* (D.Sc. in Political Sc., PhD in Military Sc., Russian Federation), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskiy N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Kovaljov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Musaev F.* (D.Sc. in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skipko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD in Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE
PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»
VENUE OF THE CONFERENCE:
1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES
TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)
THE CONFERENCE WEBSITE:
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Contents

LEGAL SCIENCES.....	4
<i>Mikhailovskaya S.A.</i> (Russian Federation) SECONDARY EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGY / <i>Михайловская С.А.</i> (Российская Федерация) ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ.....	4
<i>Khalilova M.E.</i> (Republic of Uzbekistan) DEVELOPMENT OF CORPORATE GOVERNANCE IN STATE-OWNED ENTERPRISES IN UZBEKISTAN / <i>Халилова М.Э.</i> (Республика Узбекистан) РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	8
<i>Khalilova M.E.</i> (Republic of Uzbekistan) THE ROLE OF STATE-OWNED ENTERPRISES IN INTERNATIONAL INVESTMENT LAW REGIME / <i>Халилова М.Э.</i> (Республика Узбекистан) РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕЖИМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА.....	14
<i>Khalilova Z.E.</i> (Republic of Uzbekistan) HISTORY AND DEVELOPMENT OF ARBITRATION IN UZBEKISTAN / <i>Халилова З.Э.</i> (Республика Узбекистан) ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ АРБИТРАЖА В УЗБЕКИСТАНЕ.....	19
<i>Mikhailova E.A.</i> (Russian Federation) CRIMINALISTIC PROBLEMS OF INITIATING CRIMINAL CASES ON THEFT FROM APARTMENTS / <i>Михайлова Е.А.</i> (Российская Федерация) КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО КРАЖАМ ИЗ КВАРТИР.....	32
<i>Ermakova A.O.</i> (Russian Federation) CURRENT PROBLEMS OF THE ACTIVITIES OF AN AUTHORIZED CHILD IN THE RUSSIAN FEDERATION / <i>Ермакова А.О.</i> (Российская Федерация) АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	40
<i>Popova A.V.</i> (Russian Federation) REMOTE PARTICIPATION IN THE CRIMINAL PROCESS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT / <i>Попова А.В.</i> (Российская Федерация) ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	46

SECONDARY EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGY

Mikhailovskaya S.A. (Russian Federation)

Email: Mikhailovskaya521@scientifictext.ru

*Mikhailovskaya Svetlana Aleksandrovna - PhD in Philosophy,
Associate Professor,
DEPARTMENT OF SOCIOLOGY,
TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY, CHITA*

Abstract: *the article examines secondary employment in the context of sociology. It is the sociological approach that helps to determine the significance of this phenomenon for society. An analysis of the works of scientists in the field of sociology makes it possible to determine secondary employment in the following variants: secondary employment of the population; a phenomenon that reflects the transitional state of modern Russian society, the connection with the modern market economy, in particular, with business, is especially noticeable; the function of "semi-mobility" of working people, which provokes changes in society; means of survival, existence of people; a motivator for the growth of people's competitiveness; type of social and labor flexibility of people; adaptive resource to the constantly changing external environment; a social problem affecting a variety of social processes.*

Keywords: *employment, secondary employment, secondary employment.*

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ Михайловская С.А. (Российская Федерация)

*Михайловская Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент,
кафедра социологии,
Забайкальский государственный университет, г. Чита*

Аннотация: *в статье рассматривается вторичная занятость в контексте социологии. Именно социологический подход помогает*

определить значение данного явления для общества. Анализ работ ученых в области социологии позволяет определить вторичную занятость в следующих вариантах: второстепенная занятость населения; явление, отражающее переходное состояние современного российского общества, особенно заметна связь с современной рыночной экономикой, в частности – с бизнесом; функция «полумобильности» работающих людей, которая провоцирует перемены в социуме; средство выживания, существования людей; мотиватор для роста конкурентоспособности людей; вид социально-трудовой гибкости людей; адаптационный ресурс к постоянно меняющейся внешней среде; социальная проблема, влияющая на разнообразные социальные процессы.

Ключевые слова: *занятость, вторичная занятость, второстепенная занятость.*

Изучение вторичной занятости с социологической точки зрения позволяет получить предметное представление о вторичной занятости как социальной деятельности, являющейся важной частью общества, влияющей на его трансформацию и зависящей от реакции данной системы. Изучение социологических подходов привело к осуществлению конструктивного, системного и всеобщего знакомства со вторичной занятостью как с явлением, отражающим состояние современного общества, его структуры и происходящих в нем процессов.

В данном контексте И. Н. Перова описала вторичную занятость. Она полагает, что под вторичной занятостью подразумевается деятельность людей, которые называют собственную основную деятельность как «пенсионер», «учащийся», «занятый в домашнем хозяйстве» [4].

Э. В. Клопов [3] считает, что наиболее заметным явлением, фиксирующим меняющееся состояние нынешнего социума, выступает масштабная на сегодня вторичная деятельность работников, которая выполняется человеком сверх основного занятия. Кроме того, ученый описывает важные стороны этой ситуации:

– вторичная занятость важна для нынешнего социума выполнением функции «полумобильности» работающих людей. Это провоцирует создание и развитие рыночной экономики, особо активно начинает развиваться сектор бизнеса, что приводит к социальным метаморфозам в обществе;

– из-за того, что не все люди заняты вторично, изучаемое явление влияет на социум весьма ограничено.

Ж. А. Афоничева [1] рассмотрела вторичную занятость как способность поддерживать уровень жизни на приемлемом для человека уровне. Она способствует профессиональному самовыражению, самореализации и удовлетворению трудовых амбиций.

И. П. Попова и Н. Н. Седова [5] отмечают, что в российских научных работах в качестве специфического параметра и фактора активных и эффективных адаптационных стратегий выступает опора на изучаемый нами феномен одновременно или взамен главной занятости. В данном случае, полагают исследователи, использование вторичной занятости становится причиной депрофессионализации, а это, в свою очередь, становится причиной маргинализации, карьерного истощения, психических расстройств и иных отрицательных реакций явления.

Социолог С. В. Булгаков [2] пишет, что вторичная занятость взяла на себя функцию лакмусовой бумажки в ситуации нестабильности в сферах экономической и общественной жизни наших соотечественников. Дополнительно актуальной проблема вторичной занятости стала сегодня для жителей России из-за сложности в адаптации к новым условиям, поиска возможностей для решения проблем, которые обязательно появляются в меняющемся социуме. Уменьшение заработной платы людей, постоянное увеличение скрытой безработицы (из-за уменьшения фактического рабочего времени на предприятиях) и, наконец, масштабные трансформации социально-экономической сферы россиян напрямую влияют на ухудшение их благосостояния. В данной ситуации существование возможности дополнительного труда становится необходимостью для людей, оно сглаживает отрицательные последствия от глобальных изменений в обществе.

А тот факт, по мнению ученого, что в области вторичной занятости работает множество людей, призывает исследователей рассматривать ее как проблему в социальном контексте, ведь с каждым годом данным видом деятельности занимается все большее количество людей, что воздействует на социальные процессы, происходящие в обществе.

Таким образом, в контексте социологии вторичная занятость может рассматриваться как:

- 1) второстепенная занятость населения;
- 2) явление, отражающее переходное состояние современного российского общества, особенно заметна связь с современной рыночной экономикой, в частности – с бизнесом;
- 3) функция «полумобильности» работающих людей, которая провоцирует перемены в социуме;
- 4) средство выживания, существования людей;
- 5) мотиватор для роста конкурентоспособности людей;
- 6) вид социально-трудовой гибкости людей;
- 7) адаптационный ресурс к постоянно меняющейся внешней среде;
- 8) социальная проблема, влияющая на разнообразные социальные процессы.

Список литературы / References

1. *Афоничева Ж.А.* Вторичная занятость населения: социолого-управленческий аспект: Автореф. дис. канд. социол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.
2. *Булгаков С.В.* Вторичная занятость в современной России (социально-экономические функции и последствия): Автореф. дис. канд. социол. наук. Саратов, 2004. 24 с.
3. *Клопов Э.В.* Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://ecsocman.hse.ru/data/225/874/1216/003.KLOPOV.pdf/](http://ecsocman.hse.ru/data/225/874/1216/003.KLOPOV.pdf) (дата обращения: 06.06.2021).

4. *Перова И.Н.* Дополнительная занятость: масштабы, структура, характер // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1999. № 4. С. 31.
5. *Попова И.П.* Роль дополнительной занятости в успешных адаптационных стратегиях населения России (1998-2001 гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/grantprog/pdf/popova.pdf/> (дата обращения: 06.06.2021).

DEVELOPMENT OF CORPORATE GOVERNANCE IN STATE-OWNED ENTERPRISES IN UZBEKISTAN

Khalilova M.E. (Republic of Uzbekistan)

Email: Khalilova521@scientifictext.ru

Khaliova Mekhriniso Erkinovna – PhD Candidate in Law, Master of law (LLM) from the University of Bremen (Germany), temporarily unemployed,

BUKHARA, REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: *the public sector of the economy exists in all countries of the world and as an economic phenomenon is inherent in all historical periods and all stages of development of society. It is known that state-owned property is the material basis of the state economic sector. At present, the problems of effective management and the use of state property have not been sufficiently solved theoretically from the point of view of both economic and legal science. At the same time, the issue of corporate governance in state-owned enterprises is of great practical importance, as state property is the most important source of funding for the activities of the state and its functions, as well as the implementation of political, economic and social programs. This article aims at discussing the development prospects of corporate governance in state-owned enterprises in Uzbekistan.*

Keywords: *state-owned enterprises, corporate governance, privatization of state property, private property.*

РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В УЗБЕКИСТАНЕ

Халилова М.Э. (Республика Узбекистан)

*Халилова Мехринисо Эркиновна - докторант в области права, магистр права (LLM) Бременского университета (Германия), временно безработная,
г. Бухара, Республика Узбекистан*

Аннотация: *государственный сектор экономики существует во всех странах мира и как экономическое явление присущ всем историческим периодам и всем этапам развития общества. Известно, что государственная собственность - это материальная основа государственного сектора экономики. В настоящее время проблемы эффективного управления и использования государственной собственности недостаточно решены теоретически с точки зрения как экономической, так и правовой науки. В то же время вопрос корпоративного управления на государственных предприятиях имеет большое практическое значение, поскольку государственная собственность является важнейшим источником финансирования деятельности государства и его функций, а также реализации политических, экономических и социальных программы. Цель данной статьи - обсудить перспективы развития корпоративного управления на государственных предприятиях в Узбекистане.*

Ключевые слова: *государственные предприятия, корпоративное управление, приватизация государственной собственности, частная собственность.*

The development of private property and the realization of market relations based on it influenced much on understanding the substance of legal fields' measures composing of the complex of private law. In the Soviet period public law features were supreme on private law measures; there were measures, limiting private entrepreneurship activity in the Civil Code of Uzbekistan of 1963 which was the main source of private law. However, right of private property was not fixed

in this code. According to the Marxist-Leninist doctrine, private property was known as the source of labour exploitation; legal persons were created focusing on the order or permission of state bodies; state interference was allowed into internal affairs; treaty freedom was not existed; as a rule treaties were made basing on the state's planned acts etc. [1].

In the CIS countries, including Uzbekistan, the public sector was based on the principles of the former Soviet era, which posed specific challenges to the privatization of state-owned property during the transformation of the former Soviet economy after the independence of Uzbekistan in the 1990s.

Civil Code of the Republic of Uzbekistan, adopted in 1997 and which is still valid is mainly based on the principles of private law. The Article 1 of the Uzbek Civil Code says:

“The civil legislation is based on recognition of equality of participants of the relations regulated by it, security of property, freedoms of the agreement, inadmissibility of any intervention someone in private affairs, need of free implementation of the civil laws, ensuring recovery of the violated rights, their judicial protection.

Citizens (physical persons) and legal entities acquire and perform the civil laws the will and in the interest. They are free in establishment of the rights and obligations on the basis of the agreement and in determination of any terms of the contract which are not contradicting the legislation.” [2].

These main principles exempt citizens and their associations from strict state control. It means they have now the opportunity to determine their activity rules themselves in accordance with the principle “all is permitted which is not forbidden by law”. It is necessary in country to exceed the negative consequences of excessive government intervention and discretion in economic activity [3]. This rule totally concerns the corporations-organizations which are accepted as legal persons and leading useful social and economic activity based on the corporate finance.

Prior to independence, state property was governed on the basis of operational management and economic rights, and these legal institutions still exist in the CIS countries, including Uzbekistan.

Article 70 of the Civil Code of the Republic of Uzbekistan defines the legal status of unitary enterprises. Articles 71 and 72 of the Civil Code reveal the essence of the right of economic and operational management.

Given that state-owned unitary enterprises are not only a subject of public law, but also a subject of civil law relations, their place in the classification of legal entities in our civil law, legal status, legal capacity, responsibility, as well as the right to economic and operational management position in the system of rights, legal relations arising as a result of corporate governance in state-owned enterprises and the areas of their regulation. A free economic zone is considered to be one of these areas.

For example, like in many developed and developing countries, free economic zones are established under the initiative of states and the legal status of states in a FEZ has different characteristics [4]. The state is a significant participant in the activity of FEZ through the authorized organs and has a key point in creation and successful operation of them. The Directorate of FEZ is a State Unitary Company and its main objective is the operational management of FEZ activities as well as receiving profit from providing services to participants of economic activities in a FEZ [5].

In recent years the existing legal framework in our country is insufficient to establish and regulate large companies in the market, denationalization and privatization of state property, and to reform of state-owned enterprises, as well as joint-stock companies. A number of laws and regulations governing the protection of shareholders' rights have been adopted. However, they owe to weak implementation and the extent of compliance by the Uzbek companies is still questionable. These include: the Law of the Republic of Uzbekistan "On denationalization and privatization" (19.11.1991), the Law "On auditing" (26.05.2000), "Limited Liability" and the Law on Additional Liability Companies "(06.12.2001), the Law "On Business Companies "(06.12.2001), the Law "On Bankruptcy " Law (new edition, 24.04.2003), Law "On joint-stock companies and protection of shareholders' rights" (new edition, 06.05.2014), Law "On securities market" (new edition) new edition, 03.06.2015), Law "On investments and investment activities" (25.12.2019) etc.

Taking into account the importance of market regulation in the state assets management, including the system of ensuring the economic security, sovereignty and protection of national economic interests of the state, Uzbekistan began actively developing its national economy in accordance with the Strategy of Actions on Further Development of the Republic of Uzbekistan on five priority areas in 2017-2021. As a result, economic development shifted to a drastically new level, which provides for the improvement of wellbeing and the quality of life of the population [6].

It should also be mentioned that corporate governance reforms are more essential for developing economies as they make the corporate structures more effective, help in competing with multi-national corporations and increase investors' confidence [7].

The Strategy for the management and reform of state-owned enterprises for 2021-2025 approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated March 2, 2020 No PF-5953, being adopted by the Cabinet of Ministers of Uzbekistan is considered to be the continuation of the realization of these purposes.

The Strategy prevents the establishment of economic societies and the State unitary enterprises with a State share of 50 per cent or more in authorized capital without sufficient justification, as well as granting these enterprises exclusive privileges and advantages over other enterprises [8].

The Strategy undertakes to limit State participation in areas where the private sector is competitive and to ensure that State enterprises are fully market-oriented. This will be accompanied by the full implementation of modern corporate governance practices in the activities of State-owned enterprises.

It should also be noted that the performance of the Executive Body with its indicators and the performance of the Supervisory Board - depending on the degree to which corporate governance principles are implemented, the process of disclosure of the activities of enterprises with State participation will be simplified, as well as transparency and disclosure in the management of enterprises.

According to the Strategy from January 1, 2022:

the special right of the State to participate in the management of selected companies in a strategic industry will be abolished;

the terms of office of the members of the executive body and the supervisory board shall be extended from one year to three years;

the practice of selecting candidates for the supervisory board of enterprises with the participation of the State on the basis of the State share will be gradually introduced.

Furthermore, in accordance with the Strategy, the approval by the Cabinet of Ministers of candidates for management and members of the executive body of enterprises with the participation of the State, as well as the practice of simultaneously occupying the head (member) positions by them will be eliminated [9].

Keeping pace with developments at international level, Uzbekistan is trying to make positive changes for improving corporate governance in state-owned enterprises. The full implementation of corporate governance reforms in Uzbekistan requires reforms to take place in larger context including political and legal systems. Uzbek state-owned enterprises need to understand the benefits of implementing good governance strategies and corresponding initiatives that help in improving financial performance. It is hoped that the Strategy for the management and reform of state-owned enterprises for 2021-2025 will lead to modernization of market economy in Uzbekistan and it will encourage and protect domestic and foreign investors.

References / Список литературы

1. *Rahmonkulov H., Gulyamov S.*, Corporate law, TSIL, 2007. p. 5.
2. Civil Code of the Republic of Uzbekistan of 1998.
3. *Khalilova M.E., Khalilova Z.E.* "Attracting foreign investment into Uzbekistan: challenges and prospects", Boston, USA, 30 April, 2021, [Electronic Resource]. URL: <https://scientific-conference.com/h/sborniki/yuridicheskie-nauki2/2399-attracting-foreign-inves.html/> (date of access: 25.10.2021).
4. *Gulyamov S., Rustambekov I., Bozarov S.* "LEGAL BASES FOR BUSINESS ACTIVITIES IN FREE (SPECIAL) ECONOMIC ZONES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN." *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology* 17.10 (2020): 1884-1895.

5. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan “On measures for organization of the activity of free economic zones” as of April 10, 2017 // Collection of legislation of the Republic of Uzbekistan, 2017, No. 15, art. 252; № 33, art. 856; // National database of legislation, 01/18/2018. № 09/18/29/0587.
6. Presidential Decree "On Uzbekistan's Development Strategy" of February 2017.
7. *Reed D.* Corporate governance reforms in developing countries. *J Bus Ethics* 37(3), 2002. 223–247.
8. The Strategy for the management and reform of state-owned enterprises for 2021-2025 approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated March 2, 2020. № PF-5953.
9. [Electronic Resource]. URL: <https://gratanet.com/news/the-strategy-for-the-management-and-reform-of-enterprises-with-state-participation/> (date of access: 25.10.2021).

THE ROLE OF STATE-OWNED ENTERPRISES IN INTERNATIONAL INVESTMENT LAW REGIME

Khalilova M.E. (Republic of Uzbekistan)

Email: Khalilova521@scientifictext.ru

Khaliova Mekhriniso Erkinovna – PhD Candidate in Law, Master of law (LLM) from the University of Bremen (Germany), temporarily unemployed,

BUKHARA, REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: *in response to the COVID-19 crisis, governments have taken a wide range of measures to support the business sector. Despite the rise of international investment treaties and the adoption of liberalizing measures by national governments, many states are taking a more cautious and restrictive approach in regulating international investments. In some cases, rescue packages include the acquisition of equity stakes in companies in financial distress, potentially increasing the number and presence of State-owned enterprises (SOEs) in the economy. Especially, in post-socialist countries, SOEs still play an important role in the economy; however, their activities are concentrated in domestic markets. The aim of this article is to present*

natures of SOEs and analyze the regulatory measures taken by some countries.

Keywords: *state-owned enterprises (SOE), international investment law regime, SOE investments, regulatory measures.*

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕЖИМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

Халилова М.Э. (Республика Узбекистан)

*Халилова Мехринисо Эркиновна - докторант в области права,
магистр права (LLM) Бременского университета (Германия),
временно безработная,
г. Бухара, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в ответ на кризис COVID-19 правительства приняли широкий спектр мер по поддержке делового сектора. Несмотря на рост числа международных инвестиционных договоров и принятие мер по либерализации национальными правительствами стран мира, многие государства придерживаются более осторожного и ограничительного подхода к регулированию международных инвестиций. В некоторых случаях пакеты мер по спасению включают приобретение долей в компаниях, испытывающих финансовые затруднения, что потенциально увеличивает количество и присутствие государственных предприятий (ГП) в экономике. ГП по-прежнему играют важную роль в экономике, особенно в постсоциалистических странах; однако их деятельность сосредоточена на внутренних рынках. Цель этой статьи - представить сущность госпредприятий и проанализировать меры регулирования, принятые некоторыми странами.*

Ключевые слова: *государственные предприятия (ГП), режим международного инвестиционного права, инвестиции ГП, меры регулирования.*

According to data and statistics, published by UNCTAD World Investment Report 2021, except for a few cases in emerging Asian economies (China, Hong Kong (China) and Singapore) all equity

injections took place in developed economies, and in particular in Europe. In emerging economies, capital injections occurred on already State-owned carriers (Singapore Airlines, Cathay Pacific, China Eastern and Southern airlines). Across developed countries two different approaches were followed, with programs in the United States and New Zealand privileging equity backed loans and convertibles, while European countries chose to buy equity stakes in several cases.

The COVID-19 crisis slowed down ongoing privatization programs owing to elevated uncertainty and lower market demand.

For example, programs in Brazil and Viet Nam suffered setbacks. Brazil launched its privatization program at the end of 2018 with the expectation to reduce the number of SOEs from 134 to 12. During 2020 only two privatizations were completed: the sale of the insurance company La Caixa (subsidiary of La Caixa Federal) and of two subsidiaries of Petrobras. Viet Nam approved the privatization of 174 SOEs between 2016 and 2020. The pandemic significantly delayed plans for several companies, including MobiFone, Agribank, Northern Food, Vinacomin and Vietnam National Chemical Group. Overall, the number of SO-MNEs in 2020 increased by 7 per cent with respect to 2019, to about 1,600. In addition to the companies included following COVID-19- related bailout programs, several more were nationalized for reasons not related to the pandemic. About two thirds of the new SO-MNEs are included because of minority participations by public pension funds or sovereign wealth funds. The remaining new SO-MNEs are companies for which information about their governance structure became available only now. With the exception of a few from Africa, these are all in transition economies (Belarus and Ukraine) and are typically smaller companies with a single affiliate in a neighboring country (e.g. the Russian Federation). Often these companies are a legacy of highly integrated markets and are not active in international capital markets [1]. Here it should also be mentioned that the COVID-19 crisis influenced negatively on the economies of transition countries of Central Asia, including Uzbekistan. In Uzbekistan, inflows declined by 26 per cent to \$1.7 billion, despite the relatively good macroeconomic situation, with GDP expanding by 1.6 per cent in 2020, and the country's efforts to attract new FDI. The Laws of the

Republic of Uzbekistan “On Investments and Investment Activity” of 2019 [2] and “On Special Economic Zones” adopted in February 2020 [3], for example, facilitated new investment projects in the energy sector, as well as in the telecommunication industry [4]. In May 2020, the Government announced that 70 companies and consortia from 30 countries had submitted proposals for green-energy projects. In addition, the Volkswagen Group (Germany) launched an investment project in the SEZ of Jizzakh. However, because of the country’s being doubly landlocked – i.e. surrounded only by other landlocked countries – border closures and other restrictive measures adopted by domestic and neighbouring-country authorities affected the economy and delayed investment projects.

Unlike private-owned firms that focus on profit-maximising, SOEs are considered to be driven by both political and economic motivations where the state-owned nature plays a significant role [5]. Due to their political nature, i.e., their close ties to the government, SOEs as foreign investors are being considered to be serious “global competitors”[6] to private entities by policymakers and lawyers. Moreover, there are some concerns over foreign SOEs, raised by Western countries in relation to national security, corporate governance and transparency [7]. Western countries’ concerns over foreign SOEs lead these countries to take regulatory measures. At the domestic level, some countries such as Canada and the US have tightened their screenings of FDI for foreign SOEs. At the international level, the US has proposed the use of bilateral, regional and multilateral trade and investment policy tools in responding to the important challenges of ‘state capitalism’ to the US and global economy. Despite the fact that regulatory gaps and uncertainties still exist in WTO law, it has already provided several disciplines on anti-competitive activities of state enterprises. Moreover, an increasing number of bilateral and regional treaties have covered SOEs or attempted to include SOE disciplines. Particularly, the newly concluded TPP includes an entire chapter on SOEs in support of a level playing field between SOEs and private investors, which may have implications for future BIT and FTA negotiations.

It is worth stressing here that a rapid growth of SOEs is an undeniable fact [8] and the main issue of the international investment

regulation is not whether an investor on the basis of state ownership should be included or excluded from the treaty protection, but whether the host state has provided right protections for investors and are allowed to take regulatory measures for public policy objectives. Through making investments in third States, SOEs can become foreign investors too. As a result, they may act commercially as non-State actors, or SOEs may act under the umbrella of the constituent State. In other words, where they act as the alter ego of a State, they should therefore be deprived of all the treaty-based benefits that are otherwise available to nationals.

References / Список литературы

1. UNCTAD World Investment Report, 2021. Pp. 27-28.
2. The Law of the Republic of Uzbekistan “On Investments and Investment Activity” of 2019. [Electronic Resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/> (date of access: 19.11.2021).
3. The law of the Republic of Uzbekistan on SEZs adopted in February 2019. [Electronic Resource]. URL: <https://www.lex.uz/docs/4821319/> (date of access: 19.11.2021).
4. *Khalilova M.E., Khalilova Z.E.* “Attracting foreign investment into Uzbekistan: challenges and prospects”. Boston, USA, 30 April, 2021. [Electronic Resource]. URL: <https://scientific-conference.com/h/sborniki/yuridicheskie-nauki2/2399-attracting-foreign-inves.html/> (date of access: 19.11.2021).
5. *Khalilova M.E.* DEVELOPMENT OF CORPORATE GOVERNANCE IN STATEOWNED ENTERPRISES IN UZBEKISTAN. [Electronic Resource]. URL: <https://scientific-conference.com/images/PDF/2021/21/development-of-corporate.pdf/> (date of access: 19.11.2021).
6. *Hormats Robert.* ‘Ensuring a Sound Basis for Global Competition: Competitive Neutrality’ DIPNOTE-US Department of State Official Blog (6 May 2011). [Electronic Resource]. URL: <https://blogs.state.gov/stories/2011/05/06/ensuring-soundbasisglobal-competition-competitive-neutrality/> (date of access: 14.10.2016).
7. *Lu Wang,* State-Owned Enterprises in International Investment Law Regime, Liverpool, 2017. P. 66.

8. The Strategy for the management and reform of state-owned enterprises for 2021-2025 approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated March 2, 2020. № PF-5953.
-

HISTORY AND DEVELOPMENT OF ARBITRATION IN UZBEKISTAN

Khalilova Z.E. (Republic of Uzbekistan)

Email: Khalilova521@scientifictext.ru

*Khalilova Zebiniso Erkinovna – LLM Eur and PhD in law (University of Bremen, Germany), Senior Lecturer,
INTERNATIONAL PRIVATE LAW DEPARTMENT,
TASHKENT STATE LAW UNIVERSITY,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *all religions summon to be at peace with one's neighbors and to be reconciled quickly with a rival. Unlike the history of law, the history of arbitration is not the result of development of principles or doctrines that have come from ancient times but it is a matter of free decision based on ethical or economic norms of some particular group. This article discusses historical development of the arbitration system of Uzbekistan, which has to date received only limited scholarly attention which could be considered as a plus for the existing literature.*

Keywords: *history of arbitration, Islamic arbitration, Islamic law schools, Soviet arbitration, Uzbekistan's arbitration after its independence.*

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ АРБИТРАЖА В УЗБЕКИСТАНЕ Халилова З.Э. (Республика Узбекистан)

*Халилова Зебинисо Эркиновна – LLM.Eur и PhD (Бременский университет, Германия), старший преподаватель,
кафедра международного частного права,
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: все религии призывают к миру со своими соседями и к быстрому примирению с соперником. В отличие от истории права, история арбитража не является результатом развития принципов или доктрин, пришедших с древних времен, а является вопросом свободного решения, основанного на этических или экономических нормах определенной группы. В этой статье обсуждается историческое развитие арбитражной системы Узбекистана, которая на сегодняшний день получила лишь ограниченное научное внимание, что можно рассматривать как плюс для существующей литературы.

Ключевые слова: история арбитража, исламский арбитраж, школы исламского права, советский арбитраж, арбитраж в Узбекистане после обретения независимости.

Arbitration is an old form of dispute resolution and one of the most important institutes of civil community in Uzbekistan. Though the term “arbitration” has largely been used lately, the basis of the mechanisms of arbitration in the territory of Uzbekistan has historical roots. The manuscript “Avesta” is considered as a first written source in studying the history of the dispute resolution mechanisms, court and legal relations of old Uzbekistan, since it contains rich information on the governance before the formation of early state and on social, political and legal relations [1]. Several researches have shown that Avesta has criminal, family, civil, military and justice norms. Furthermore, it includes information about the conclusion of contracts between tribes and the dispute resolution processes between parties, in particular arbitration [2]. According to *Xenophon* and *Herodotus*, in important cases, the king administered justice by himself, but for the general convenience, he delegated his legal authority to the most learned and upright men of his own choice. The person thus selected to occupy the most responsible position as a guardian of equity and justice in the empire was generally past fifty, and was appointed for life, unless personal misdemeanour, in the execution of his duties, rendered him unworthy to hold the office [3].

Before Islam, arbitration was used as a method for the settlement of civil and commercial disputes by Arabs and traditionally it was the least expensive and most popular apparatus for resolving disputes

among tribes in the Arabian Peninsula [4]. Enforcement of the law was generally the responsibility of the private individual who had suffered injury [5]. Within the framework of tribal Arab society, chieftains (sheikhs), soothsayers and healers (kuhhān), and influential noblemen played an indispensable role as arbiters in all disputes within the tribe or between rival tribes. Before becoming a prophet, Muhammad (may peace be upon him!) was known as an honest and wise arbiter among the non-Muslim Arab tribes. The authority and stature of arbiters (hakams) in the Pre-Islamic period served as sanctions for their verdicts [6]. The arbitration award was not enforceable if parties contested it, unless the trial chief was in a position to get it enforced; [7] the arbitral awards were not legally binding, unless there was an agreement between the parties to this extent. In that period there were no specific rules to limit the arbitral subjects. The arbitral proceedings were simple and rudimentary. The arbitrator when hearing the dispute does not abide by any certain procedures, except for a number of certain procedures such as the obligation to hear the disputing parties on equal bases and the respect of the customary rules when examining the proofs presented by the parties. The similar point regarding the arbitration process of the Zoroastrian period can be noticed in the Pre-Islamic period and after Islam, too. As stated in “*Medjella of Legal Provisions*”, the arbitration process relied upon the claimant proving his case and the respondent basing his defense on his oath [8]. To the opinions of many scholars, arbitration and dispute resolution in some areas of the Arab world, which further had a great impact on Central Asian arbitration, was relatively structured and permanent.

Bassiouni and *Badr* refer to customary practice of arbitration as a legitimate source of law if they do not contradict with Shariah law [8]. Today, a major part of the rules of international commercial arbitration has been developing gradually to the level of custom, and some of them are considered to be part of the law. The customs which were practiced in the Pre-Islamic period continued to be respected and esteemed under Islam, particularly those relating to honor, hospitality and courage in Muslim countries including Central Asian countries, while Prophet Muhammad (may peace be upon him!) also declared that he was sent to perfect the principles of good behavior [9]. In resolving disputes, principles such as tolerance, non-violence,

patience, forgiveness, peace, harmony and mercy were employed by the Prophet Muḥammad (may peace be upon him!). Thus, many of the positive tribal customs were incorporated into Islamic teaching and jurisprudence. The validity of arbitration has been recognised by the four sources of Sharia: the Koran (Quran), the Sunna (the acts and sayings of the Prophet Mohamed (may peace be upon him!)), Idjma' (consensus of opinion) and Qiyas (reasoning by analogy) [10]. According to the Koran, Sunna, Ijma and Qiyas, arbitration is a legitimate dispute resolution process because it serves an important social need and it simplifies the resolution of disputes. It is also less complex than court procedures [11].

Although the concept of arbitration is not new to Central Asia and other Muslim countries, Islamic law scholars have different opinions on it. The scholarship on the arbitration concept argues that it has been considered as an efficient means of dealing with disputes and has long been embedded in Islamic rules for over 1,400 years. According to some scholars, arbitration is a form of conciliation, close to “amiable composition”, which is not binding the parties [12]. Those favouring this view hold that the arbitrator’s decision is neither binding nor final, unless it is accepted by the parties. Thus, arbitration does not have any jurisdictional nature, but is close to conciliation. In the period of Islam, as in the case of Fath Makkah (winning over Mecca) and Sulh al-Hudaybiyyah (peace treaty at Hudaybiyyah), disputes were resolved on the basis of conciliation [13]. The Holy Quran states: “If you fear a breach between them (the man and his wife), appoint (two) arbitrators (hakam), one from his family and an arbiter from her family. If they both wish for peace, Allah will cause their reconciliation. Indeed Allah is Ever All Knower, Aware with All Things.”[14]. The word “reconciliation” in the above verse indicates that an arbitral award is not binding and Imam Shafi also held that arbitral awards are binding only if parties mutually agree to enforce it [15]. This verse of the Quran, as *Moussalli* noted, is an example to encourage arbitration of private conflicts [16]. The second view is that the Sharia knew arbitration in its modern sense. This view is based on the following verse from the Quran: *“Verily! Allah commands you to deliver the trusts to those, to whom they are entitled; and that when you judge between people, judge with justice. Surely, excellent is the exhortation*

Allah gives you. Surely, Allah is All-Hearing, All-Seeing.” [17]. “If they come to you, judge between them or turn away from them. If you turn away from them, they can do you no harm. But if you judge, judge between them with justice. Surely, Allah loves those who do justice.” [18]. Conflicting interpretations of these verses creates misunderstandings and confusions about the binding character of an arbitration award among Islamic law scholars. A further complication is the fact that some scholars come often across with using the word “Hakam” (arbitrator) distinguishing arbitration from conciliation (sulh) [19].

After becoming a prophet, Muhammad (SAW) usually settled conflicting viewpoints by asking the opposing parties to explain their interpretations of the Qur’an, and then he either confirmed or denied the validity of their perspectives. He appointed arbitrators and accepted their decisions; he chose arbitration to settle the dispute between himself and Bani Anbar. He also acted as an arbitrator between the Muslim community and non-Muslim people, as well as a mediator for Jewish tribes, for whom he applied Jewish law [20]. The leading case where arbitration was used by the companions of the Prophet (peace be up on him!) was the famous political case between the Caliph “Ali bin Abu Taleb” (the fourth rightly guided Caliph) and “Muawya bin Abu Sofian”. Although the Quran and the Sunna confirmed the validity of arbitration, there was an issue with its implementation. Therefore, the four schools of Sharia (the Hanafi School, the Shafi’e School, the Hanbali School and the Maliki School) explained the process of arbitration which obliges each Muslim within each school to follow its teachings [21]. Minor practical differences can be noticed between these Sharia Schools regarding the interpretation of the texts of Islamic law. It should be noted that although all four Islamic schools acknowledge arbitration as a substitute for the ordinary courts and define arbitration similarly, they implement separate rules on settlement of disputes, selection of arbitrator and establishing the arbitration features and scope. According to some Islamic law scholars, despite the recognition of arbitration by all sources of Islamic law, arbitration did not reach thorough and detailed attention in the doctrinal writings of the four major Islamic Schools due to the fact that

Islamic Judiciary was sufficient and developed enough to provide suitable solutions to all types of social life problems of that time.

The supporters of the **Hanafi School** stressed the contractual nature of arbitration and explained that arbitration is legally close to agencies and conciliation. The arbitrator acted as an agent on behalf of a disputant who had appointed him. Hanafi School's scholars acknowledge a strong relationship between arbitration and conciliation. According to them an arbitral award which is closer to conciliation than to a court judgement, is of lesser force than a court judgement. *Saleh* states that the disputing party cannot be relieved from being obligated to abide by the award because the agreement to resort to arbitration binds the parties like any other contract [22]. The followers of this school spread to Central Asia, Iraq, the region of the Caucasus and the South Asian countries such as Pakistan, India and Bangladesh. Here it should be mentioned that arbitration (Tahkim), like judiciary, was focused on testimony in accordance with the doctrine of the Hanafi School. *Abdul Hamid El-Ahdab and Jalal El-Ahdab* confirm that arbitration cannot be entrusted to an unjust person while justice is a primary requirement in the Hanafi School [23]. Furthermore, the scholars of the Hanafi School as well as of the Maliki, Hanbali and Shafi Schools accentuate on the capacity of arbitrators. They have two statements relating to this matter: First, the arbitrator should be an absolute jurist; second, the arbitrator is a jurist only in issues that he settled. However, in some cases these schools authorised arbitration by an ignorant person, provided that he refers to academics and asks their advice, not to allow the award to be considered as rendered by a person who lacks the knowledge. In fact, an ignorant may not be selected as an arbitrator otherwise, the award, rendered by him would not be enforced.

According to the **Shafi School** arbitration is a legal practice, whether or not there is a judge in the place where the dispute has arisen. However, according to this school, the position of arbitrators is inferior to that of judges since arbitrators under this School are liable to be revoked up to the time of the issuance of the award.

The **Hanbali School** specifies that an award or decision made by an arbitrator (having the same qualifications as a judge) has the same binding nature as a court judgement and it is imposed upon both of the

parties who chose him. If the decision is not finalized, a disputing party is entitled to retract an arbitrator's representation. This is made possible by the fact that arbitration is considered to be similar to the power of an attorney, which the disputing party can renounce at any time.

The *Malikis* have a great trust in arbitration; they accept that one of the parties can be chosen as an arbitrator by the other disputing party. This is explained by the fact that one relies upon the conscience of the other party. Unlike the other three schools, this school stresses that an arbitrator cannot be revoked after the commencement of the arbitration proceedings.

The introduction of Islam into Central Asia, as *Paksoy* mentioned, went through roughly three stages: force of arms and alms; the scholastic madrasa; and Sufism. Islam had a profound impact in all spheres of political, economic, social, legal and cultural life of Central Asian people for decades. It recognized and confirmed the pre-Islamic method of settling disputes with some modification and arbitration continued to have its role in the resolution of disputes. [24]. In the 13th century Islamic law did not lose its significance by the abolishment of the Arab Caliphate by Mongols in Central Asia, but it continued to develop and became as a practiced branch of law. Though the Sharia did not mention to divide the law into separate branches, it developed the civil, property and contract relationships. Studies show that many of the Uzbek traditions practiced today have their roots in ancient religious customs both from Islam and other religious traditions that co-existed with Islam. For example, the Mongols brought the *Great Yasa* to Central Asia and strengthened “edgen tradition”, four centuries after the Arab occupation [25]. The elders have had a role in the justice system and in politics in Central Asian countries for many years. *Keller* notes that male and female Muslim leaders acted as counselors and mediators in pre-Soviet Central Asia who were and still are known as “Aqsaqals” and “Otinoyilar”. For instance, there are still aqsaqals courts in Kyrgyzstan. *Beyer* by her scientific research on the “customization” of law in Kyrgyzstan found that the resolution of disputes is carried in mosques by Kyrgyz aqsaqals and in the process of disputes they use Sharia rules. In Uzbekistan, which has a more urban society than other Central Asian countries, cities are divided up

into mahallas with an aqsaqal who acts as the district leader. It is important here to point out that today Uzbek mahallas play an essential role in processing the disputes focusing on State law and Islamic traditions at the same time. As demonstrated in a recent study of *Ato*, also male Muslim leaders of Tajikistan process disputes over family issues regarding divorce, alimony and inheritance. [26]. Since at least the 19th century, ‘Otinoyilar’, who acted as women Muslim leaders, have taught Islamic principles, mediate conflicts within families and assisted in preserving Islamic Sharia during the repression of Islam by the Soviets in Central Asia. However, some limitations regarding women in Central Asia leads to scholars’ debate on “how and to what extent Muslim women leaders influence and help the resolution of disputes by using Islamic Sharia”, which can contribute to the scholarship on Islam and resolution of interpersonal disputes based on Islamic law in Central Asia. Today, Islamic law and jurisprudence is not a source of state law in the post-Soviet countries of Central Asia, including Uzbekistan with Muslim-majority populations and secular governments. Islamic courts and Sharia which existed and prevailed before the Soviet Union were abolished and replaced by the Soviet government with secular Soviet laws and the Soviet Courts, which influenced the resolution of disputes by state courts of Central Asia till nowadays. However, even in the period of the USSR Islamic Sharia has kept its role in non-state dispute resolution processes in Central Asia. *Keller* notes that male and female Muslim leaders acted as counsellors and mediators in pre-Soviet Central Asia who were and still are known as “Aqsaqals” and “Otinoyilar”. *Beyer* by her scientific research on the “customization” of law in Kyrgyzstan found that the resolution of disputes is carried in mosques by Kyrgyz aqsaqals and in the process of disputes they use Sharia rules. These elders have had a role in the justice system and in politics in Central Asian countries for many years. For instance, there are still aqsaqals courts in Kyrgystan. In Uzbekistan, which has a more urban society than other Central Asian countries, cities are divided up into mahallas with an aqsaqal who acts as the district leader. *Allen Frank* emphasizes ‘mahalla’ as a religious institution in the period of imperial Russia and notes that it was a community of Muslims that supported a single mosque and the mosque’s imam, since he had both religious and civil duties as the

spiritual head of mahalla. Some investigations on Central Asian customary law revealed how the Muslim leaders of mahallas in Uzbekistan and other Central Asian countries invoked the purported stability of customary law while situationally incorporating State law, Sharia and international norms into the legal repertoire, as a practical means and a justifiable claim to order ever-changing lives of people. There are a lot of examples that respected Muslim leaders, when they mediate or arbitrate disputes, base on both: State law and Sharia. The types of disputes they process vary from the disputes, resolved by arbitration courts. Comparing to Uzbek arbitration courts, the leaders of Uzbek mahallas process the disputes, arisen from family and administrative relationships that are not resolved by arbitration courts. Particularly, male Muslim leaders of mahallas help Uzbek families to solve the family issues. While one of the tasks of the mahalla is the promotion of social control, it plays a major role in the treatment of domestic crises. This role has been expanded and sanctioned by the government. Family problems are therefore often resolved by mahalla's less-formal mediation bodies, rather than through the judicial system. A council of elders (aqsaqals) informally advises the mahalla chairman and takes part in mediating conflicts. As demonstrated in a recent study of *Ato*, also male Muslim leaders of Tajikistan process disputes over family issues regarding divorce, alimony and inheritance.

During the Soviet period several bilateral and multinational treaties on international commercial arbitration were concluded by the Soviet government. The USSR signed the 1958 UN Convention on the Recognition and Enforcement of Arbitral Awards (New York Convention) on 29 December 1958 and ratified it on 24 August 1960. The USSR also ratified the 1961 European Convention on International Commercial Arbitration on 14 March 1962, and the 1972 Moscow Convention on the Settlement by Arbitration of Civil Law Disputes Resulting from Relations of Economic and Scientific-Technical Cooperation on 26 May 1972. Despite the existence of a legislative framework for the development of arbitration courts, in conditions of the administrative-command system, the activities of arbitration courts have not been sufficiently developed in the Soviet Union due to the lack of free enterprises and other economic factors

[27]. The former Soviet state arbitration courts did not relate to the arbitration courts, since they were direct political institutions of the planned economy and failed to meet one of the main requirements of commercial arbitration i.e. the establishment of arbitration on the basis of the will of individuals. The former arbitration courts were apparently close to the commercial arbitration courts. *Lebedev* noted that disputes between Soviet enterprises were solved by economic courts (“state arbitration”), which were nevertheless not arbitration *stricto sensu* [28]. *Butler* expressed the opinion that the Soviet government preferred arbitration in order to avoid litigation in foreign courts and concluded bilateral treaties with the countries, containing provisions of mandatory enforcement of arbitral awards, over which the USSR could politically and economically hold a dominant position [29]. Like many other CIS countries, the Republic of Uzbekistan has continued to recognize and apply legislation of the former Soviet Union, only if it is not contrary to the legislation of Uzbekistan. Actually in practice, making legislation is almost the same as the former Soviet legislation. It should be noted that arbitration in Uzbekistan is at present used widely for solving domestic commercial disputes as a new phenomenon since it has not been used for over 70 years for that aim. The main reason for this limitation is the administrative command economy of the former totalitarian regime, which reduced the status of private property in relation to socialist property [30]. Taking into account the importance of the institute of legal proceedings, in the first stage of independence of Uzbekistan, public attention was drawn to develop a truly independent judiciary, which had to be transformed from a punishing organ to a body protecting the rights and interests of people. The Republic of Uzbekistan took steps on liberalization of economy which was based on the Soviet regime. The need for an effective commercial arbitration system was felt in Uzbekistan to attract foreign investors. Under the *Welfare Improvement Strategy* “*Encouraging property rights’ protection and other rights and guarantees of investors by means of alternative ways and institutions for the settlement of commercial disputes, especially arbitration tribunals*” is determined as one of the significant objectives of legal reforms. Many positive changes in the field of arbitration have been made in recent years. The provision of

the legal framework for the arbitration tribunals' functioning is seen in the adoption of some legal acts as the Presidential Decree "On measures for further improving the system of legal protection of enterprise entities" of 14 June 2005. The next step was followed by adoption of the Law "On Arbitration Courts" of 26 August 2007 and the law "On International Commercial Arbitration" of February 2021. Both laws' fundamental aim is to overcome the defects and imperfections of legal regulations on establishment, functioning and termination of arbitration courts' activity in Uzbekistan and the ameliorating the business climate in the country, since arbitration is one of the most popular mechanisms of alternative dispute resolution [31]. Development of arbitral tribunals as an alternative to state courts would greatly alleviate the burden of the competent courts in the resolution of disputes arising between the parties of economic relations [32]. In this context, several arbitration institutions were created in Uzbekistan after its independence, which facilitate the creation of arbitration friendly environment for domestic and international business actors [33].

References / Список литературы

1. *Odilkoriyev, Azizov, Madirimov*. History of State and Law. Tashkent, 2013. P. 20.
2. *Boboyev, Dustjonov, Khasanov*. Avesta – bestsennaya relikviya narodov Vostoka, Tashkent, 2004. P. 20.
3. Xenophon, Cyropaedia, Book I.
4. *Al-Ramahi Sulh*: A Crucial part of Arbitration, LSE Law, Society and Economy Working Papers 12/2008. № 08-45.
5. *Hamidullah Muhammad*. Administration of Justice in Early Islam, Islamic Culture 11:2 (1937). 163-171.
6. Sayed Hassan Amin. Commercial Arbitration in Islam and Iranian Law. Worcester, 1948. P. 42.
7. Zeyad Al-Qurashi, Arbitration under the Islamic Sharia, Oil, Gas and Energy Law Intelligence 1:2 (2003). 30-44.
8. Medjella of Legal Provisions", sect. 76.
9. Bellamy. The Makarim al-Akhlaq by Ibn Abu-Dunya, The Muslim World 53:2 (1963). 106-119.

10. *Khamidova*. Mowarounnahr's State and Law in Medieval Ages, Tashkent 2002. P. 11.
11. *Al-Saied Haddad*. General Theory of International Commercial Arbitration, Halabi, 2004. P. 102.
12. *Abdul Hamid El-Ahdab, Jalal El-Ahdab*. Arbitration with the Arab Countries, 3rd ed., Alphen aan den Rijn, 2011. P. 16.
13. *Rusli*. The Role of Musalahah in Conflict Resolution: A Historical Perspective, Hunafa: Jurnal Studia Islamika. 10:2 (2013), 203-220 (210).
14. The Quran 4:35.
15. *Muneeza*. Is Conventional Alternative Dispute Resolution to Islamic Law?, Malayan Law Journal 4 (2010) xvii-cix.
16. *Moussalli*. An Islamic Model for Political Conflict Resolution: Tahkim (Arbitration), in: Said/Funk/Kadayifci (eds.), Peace and Conflict Resolution in Islam: Precept and Practice, Lanham 2001. Pp. 143-168.
17. The Quran 4:58.
18. The Quran 5:42.
19. *Aboul-Enein*. Liberal Trends in Islamic Law (Sharia) on Peaceful Settlement of Disputes, Journal of Arab Arbitration 2 (2000), 1-19 (2).
20. *Rafeeq*. Rethinking Islamic Law Arbitration Tribunals: Are they compatible with traditional American notions of justice? Wisconsin International Law Journal 28:1 (2010), 108-139 (114).
21. *Bearman Peters Vogel*. The Islamic School of Law: Evolution, Development and Progress Cambridge, Mass., 2005.
22. *Saleh*. Commercial Arbitration in the Arab Middle East: A Study in Sharia and Statute Law. London, 1984. P. 22.
23. *Abdul Hamid El-Ahdab, Jalal El-Ahdab*. Arbitration with the Arab Countries, 3rd ed., Alphen aan den Rijn 2011.
24. *Paksoy*. Nationality and Religion: Three Observations from Omer Seyfettin, Central Asian Survey 3:3 (1985). 109-115.
25. *Lane*. Daily Life in the Mongol Empire, Westport, 2009. Pp. 205-226.
26. *Ato*. Tajiks Increasingly Turning to Shari'a to Resolve Disputes, Family Affairs, Radio Free Europe, September 7, 2010. [Electronic Resource]. URL:

- https://www.rferl.org/a/Tajiks_Increasingly_Turning_To_Sharia_To_Resolve_Disputes_Family_Affairs/2150615.html/ (date of access: 26.11.2021).
27. *Kulikova*. Treteiskii court: history, term, organization of its activities and the development's perspectives, in: Treteyskiye sudi v Uzbekistane. Analiz i tendensii razvitiya. Nauchno-prakticheskoye posobiye, Tashkent, 2004. Pp. 6-24.
28. *Lebedev*. ASIL/NVIR Proceedings, 1993. P. 187.
29. *Butler*. Arbitration in the Soviet Union, London, 1989. Pp. 211-247.
30. *Khalilova M.E.* The role of State-Owned Enterprises in International Investment Law Regime, November, 2021. [Electronic Resource]. URL: <https://scientific-conference.com/images/PDF/2021/21/development-of-corporate.pdf/> (date of access: 26.11.2021).
31. *Khalilova M.E.* The role of State-Owned Enterprises in International Investment Law Regime, December, 2021. [Electronic Resource]. URL: <https://scientific-conference.com/> (date of access: 26.11.2021).
32. *Khalilova M.E., Khalilova Z.E.* "Attracting foreign investment into Uzbekistan: challenges and prospects", Boston, USA, 30 April, 2021, at [Electronic Resource]. URL: <https://scientific-conference.com/h/sborniki/yuridicheskije-nauki2/2399-attracting-foreign-inves.html> / (date of access: 26.11.2021).
33. *Khalilova Z.E.* Practice of Commercial Arbitration and Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards Concerning Disputes in Uzbekistan: A Comparison with Germany, Dissertation, 2020. [Electronic Resource]. URL: <https://doi.org/10.26092/elib/333/> (date of access: 26.11.2021).
-

CRIMINALISTIC PROBLEMS OF INITIATING CRIMINAL CASES ON THEFT FROM APARTMENTS

Mikhailova E.A. (Russian Federation)

Email: Mikhailova521@scientifictext.ru

*Mikhailova Ekaterina Aleksandrovna - Master's Student,
DEPARTMENT OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE
AND CRIMINALISTICS,*

ALTAI BRANCH

*FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF
HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION*

*RUSSIAN ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC
ADMINISTRATION UNDER THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN
FEDERATION, BARNAUL*

Abstract: *at present in the Russian Federation the category of property crimes is one of the most widespread. The sooner a criminal act is revealed, the more evidence will remain at the crime scene, which means it will be easier to restore the events of the incident.*

Keywords: *burglary, crime scene, criminal case, stages of investigation, investigation of thefts.*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО КРАЖАМ ИЗ КВАРТИР

Михайлова Е.А. (Российская Федерация)

*Михайлова Екатерина Александровна – магистрант,
кафедра уголовного права, уголовного процесса и
криминалистики,
Алтайский филиал*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, г. Барнаул*

Аннотация: *в настоящее время в Российской Федерации категория имущественных преступлений является одной из самых распространенных. Чем быстрее будет выявлено*

преступное деяние, тем больше останется улик на месте преступления, а значит, будет легче восстановить события произошедшего.

Ключевые слова: *квартирная кража, место преступления, уголовное дело, этапы расследования, расследование краж.*

Согласно официальным сведениям, предоставленным МВД России, почти половину всех зарегистрированных противоправных деяний в 2020 г. являются квартирные кражи. Можно отметить, что за 2020 год увеличилось число грабежей – на 16,2%, общего количества краж – на 3%, в том числе квартирных – на 22,6%.

Очевиден факт, чем быстрее выявлено преступное деяние, тем больше останется улик на месте преступления, а значит, будет легче восстановить события происшедшего. Существенным элементом криминалистической характеристики краж являются данные о типичных следах этого преступления. Механизм следообразования при совершении кражи обуславливается характером взаимодействия преступника с окружающей материальной обстановкой. На месте кражи можно обнаружить:

- а) следы преступника (его ног, рук, других частей тела, выделений, одежды, запаховые следы, микрочастицы);
- б) следы орудий преступления (металлические и деревянные опилки, следы разруба, распила, сверления, разлома, отжатия);
- в) следы-предметы (окурки, части одежды, орудия взлома, другие предметы вспомогательного назначения);
- г) следы транспортных средств (пятна горюче-смазочных веществ, следы протекторов шин).

Изучение места преступления дает возможность предположить характер следов, которые могут остаться на преступнике после совершения кражи. Это порезы, раны, ожоги, повреждения одежды, наслоения краски, микрочастицы тканей, дерева, металла. Но здесь необходимо понимать, чтобы зафиксировать найденные следы и трансформировать их в систему доказательств, в будущем нужны следственные действия.

Следовательно, можно сделать вывод, что по отдельно взятой квартирной краже проходит фаза судебного производства, которая

носит название «возбуждение уголовного дела». В данной фазе рассматривается вопрос о том, что собрано ли необходимое количество материалов, имеются ли поводы и основания для возбуждения уголовного дела по факту квартирной кражи.

Переходя к рассмотрению понятия и стадий процесса возбуждения уголовного дела нужно отметить, что для того чтобы принять решение по собранным фактам следователю нужно определить обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые определяются на основе ст. 73 УПК РФ и элементов состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ.

По делам о кражах следователю необходимо установить:

- а) факт похищения личного имущества;
- б) тайный характер совершенных действий;
- в) предмет кражи, его признаки, стоимость, кому он принадлежит;
- г) место и время совершения преступления;
- д) способ проникновения к имуществу, применение технических средств и иных приспособлений;
- е) характер и размер причиненного ущерба;
- ж) количество лиц, совершивших кражу, и роль каждого из них; наличие подстрекателей, организаторов и пособников;
- з) данные о личности виновных и мотивах преступления;
- и) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемых.

Также подлежат установлению причины и условия, способствовавшие совершению кражи.

Далее он сможет провести следственные мероприятия, нацеленные на то, чтобы подтвердить или опровергнуть факт совершения преступного деяния, в нашем случае квартирной кражи (п. 1, 3 ст. 144 УПК РФ).

Для того чтобы получить утвердительное решение по вопросу возбуждения уголовного дела нет необходимости доподлинно выявить обстоятельства преступного деяния, и досконально его изучить. В документах, которые могут послужить базой к производству конкретного дела, так же могут недоставать факты касательно субъективных признаков преступного деяния, таких как цель преступления, эмоциональное состояние лица в момент

совершения преступления, предвидело ли лицо совершившее преступление возможность наступления общественно опасных последствий.

Первичные сообщения о кражах личного имущества граждан чаще всего поступают в подразделения органов внутренних дел от потерпевших и очевидцев (соседей, случайных прохожих, работников жилищно-коммунального хозяйства). Имеют также место случаи задержания воров с поличным. Основанием к возбуждению уголовного дела по факту кражи являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. К этим признакам наряду с исчезновением имущества обычно относят наличие следов взлома и беспорядок в помещениях, где находились ценности и деньги, обнаружение у заподозренных лиц явно не им принадлежащих вещей.

Для возбуждения уголовного дела о краже необходимо, чтобы в поступившем заявлении содержались определенные сведения о характере произошедшего события и его последствиях (от кого поступило заявление, где конкретно совершена кража, имеются ли следы взлома дверей и других преград, что именно похищено и какова стоимость украденного, краткое описание вещей). При наличии данных о совершающейся или только что произошедшей краже необходимо незамедлительно принять меры к выезду следственно-оперативной группы на место происшествия для задержания преступника с поличным или по горячим следам.

Решение вопроса о возбуждении уголовного дела по факту кражи принимается на основе анализа имеющейся информации, которая вместе с тем служит базой для определения исходной следственной ситуации, выдвижения общих и частных версий, планирования процесса расследования.

Типичными общими версиями являются:

- кража имела место;
- кражи не было, заявитель добросовестно заблуждается;
- кража инсценирована;
- кража имела место, но при иных обстоятельствах;
- кражи не было, имело место другое преступление (хулиганство, самоуправство, уничтожение или повреждение имущества и др.).

Из общих версий вытекают версии частные: о личности каждого преступника, о распределении между ними ролей, способах совершения и сокрытия кражи, местах сбыта похищенного и т. д. В зависимости от обстоятельств дела могут быть выдвинуты и проверены версии о причастности к краже лиц из окружения потерпевшего или его соседей, ранее судимых за подобного рода преступления, женщин, несовершеннолетних.

Содержание первоначального этапа расследования кражи личного имущества граждан определяется исходной следственной ситуацией, сложившейся в зависимости от времени, прошедшего с момента кражи, либо обнаружения ее следов, предмета кражи, поведения подозреваемых, потерпевших, свидетелей.

Типичные исходные следственные ситуации по делам о кражах таковы:

1. Имеются сведения о лице, совершившем кражу, и о похищенном имуществе.

2. Информации о лице, совершившем кражу, нет, но есть данные о похищенном имуществе.

3. Данных о преступнике и месте нахождения похищенного нет.

4. Осмотр места происшествия проводится в случаях краж из квартир, дач, других помещений.

5. Допрос потерпевшего по рассматриваемой категории уголовных дел представляет собой выяснение следующих вопросов (применительно к кражам из помещений).

6. Допрос свидетелей.

7. После задержания подозреваемый должен быть подвергнут личному обыску.

8. Освидетельствование проводится для обнаружения следов, оставшихся после совершения кражи на теле подозреваемого.

В настоящее время большие возможности для установления обстоятельств совершения краж предоставляют следователям материаловедческие экспертизы микрочастиц веществ, обнаруженных на месте происшествия; идентификационные исследования следов биологического происхождения (крови, слюны, других выделений); почвоведческие экспертизы по определению единого источника происхождения частиц почвы.

Целеустремленность и наступательность первоначального этапа расследования является залогом объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, правильного применения закона к лицам, совершившим преступление, возмещения причиненного ущерба и устранения причин и условий, способствовавших краже.

Можно отметить, что одной лишь законной причины для начала возбуждения уголовного дела не хватит. Нужно, чтобы кроме всего прочего имелось также основание, где под основанием следует понимать реально существующие факты, которые указывают на признаки преступного деяния.

При расследовании краж нередко проводится очная ставка, основной задачей которой является устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Существенными обстоятельствами, вызывающими необходимость проведения такого следственного действия, являются противоречия в полученных показаниях потерпевшего, свидетелей и обвиняемого (подозреваемого) относительно обстоятельства совершения кражи, размера, количества и качества похищенного имущества, существенные противоречия в показаниях соучастников кражи относительно оценки факта совместного совершения преступления и сокрытия его следов.

Проверка показаний на месте прежде всего используется для сопоставления с показаниями обвиняемого (иногда потерпевшего или свидетеля) обстоятельств имевшей место кражи, описанной им в процессе допроса; уточнения осведомленности допрашиваемого о деталях обстановки места происшествия и его последствиях; обнаружения материальных следов преступления или предметов, которые могут служить носителями доказательственной информации; установления наличия или отсутствия профессиональных или преступных навыков у обвиняемого, необходимых для совершения и сокрытия кражи определенным способом.

При расследовании краж могут назначаться следующие экспертизы: криминалистические (чаще всего – дактилоскопическая и трасологическая), судебно-

товароведческая, судебно-медицинская, материаловедческая, товароведческая и др.

При завладении имуществом преступнику необходимо преодолевать препятствия, совершать различные действия руками, поэтому обнаружение следов рук возможно на орудиях и средствах совершения кражи, похищенных вещах и других предметах, к которым преступник прикасался.

Экспертиза следов орудий взлома решает следующие вопросы: каким способом взломана преграда; с какой стороны произведен взлом; одним или несколькими орудиями оставлены следы на преграде; не оставлены ли они орудием, представленным на экспертизу, и т. д.

При исследовании замков обычно выясняется: в каком положении – запертом или отпертом – находился замок; исправен ли он; если замок неисправен, то каковы его дефекты и не препятствуют ли они запиранию; можно ли отпереть или запереть замок, не нарушая контрольного приспособления; был ли замок взломан в навешенном состоянии или после снятия с пробоя; не отпирался ли он конкретным ключом, отмычкой или иным предметом; каким способом взломан замок; не был ли он взломан конкретным орудием.

Путем судебно-товароведческой экспертизы выясняются наименование, цена, артикул, сорт и иные признаки товаров; однородны ли предметы, изъятые у подозреваемого, с похищенными.

По делам о кражах нередко проводятся материаловедческие экспертизы (исследование микрообъектов). Такие экспертизы нередко оказываются, в частности, весьма эффективными при расследовании карманных краж, когда вор утверждает, что он не прикасался к своей жертве. В этой ситуации обнаружение на одежде подозреваемого микрочастиц с одежды потерпевшего (и наоборот) имеет важное доказательственное значение.

При помощи товароведческой экспертизы выясняется, какой товар был в упаковке, обнаруженной при обыске у преступника; наименование, сорт, артикул и другие признаки похищенных товаров; однородность предметов, изъятых у подозреваемого, с предметами, находящимися в магазине, на складе, и т. д.

В завершение остается сделать вывод о том, что своевременное возбуждение уголовного дела непосредственно оказывает существенное влияние на своевременное раскрытие и качественное расследование уголовных дел о квартирных кражах. Где, наиболее распространенными поводами к возбуждению уголовного дела о квартирной краже будут: заявления пострадавших – собственников похищенного имущества; сообщения лиц, обнаруживших признаки кражи; нарушение обычной обстановки в квартире; а так же явки с повинной отбывающих наказание в исправительном учреждении о ранее совершенной ими краже и т.д.

Список литературы / References

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета, 1999. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: № 63-ФЗ. от 13 июня 1996 года (ред. от 22 ноября 2016). // СЗ РФ, 1996. № 24. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года (ред. от 28.06.2014). // СЗ РФ, 2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: № 1-ФЗ от 8 января 1997 года (с изменениями и дополнениями от 28 ноября 2015 г.) // СЗ РФ, 1997. № 2. Ст. 198.
5. Федеральный закон: № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года // СЗ РФ, 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Федеральный закон: № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
7. Федеральный закон: № 3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 года // СЗ РФ, 2011. № 7. Ст. 901.
8. *Бытко Ю.И.* Квартирные кражи и некоторые меры их предупреждения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2013. 153 с.

9. Ястребова Т.И., Пиндюк И.И. Особенности возбуждения уголовных дел о кражах. // Вестник ЮУрГУ, 2007. № 9 (81). С. 87-93.
10. Чернов Д.Н. Квартирные кражи: элементный состав криминалистической характеристики. // Молодой ученый, 2013. № 6. С. 594-597.
11. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://22.xn--b1aew.xn--plai/> (дата обращения: 21.10.2021).

CURRENT PROBLEMS OF THE ACTIVITIES OF AN AUTHORIZED CHILD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ermakova A.O. (Russian Federation)

Email: Ermakova521@scientifictext.ru

*Ermakova Anastasia Olegovna - Master's Student,
PROFILE: LAW ENFORCEMENT AND HUMAN RIGHTS
ACTIVITIES, PROSECUTOR'S SUPERVISION, JUDICIARY,
INSTITUTE OF LAW
NORTH-CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY, STAVROPOL*

Abstract: *the article reveals the problems faced by the Ombudsman at the present stage of development of society. Based on scientific research, the features of the work of this institute in Russia are shown. Special attention is paid to the process of global digitalization, the formation of a new system of values in society, the legal awareness of the population, increasing the level of legal literacy of the younger generation.*

Keywords: *ombudsman, society, digitalization, legal awareness, values, law, legal culture, mentality, state.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ермакова А.О. (Российская Федерация)

*Ермакова Анастасия Олеговна - студент магистратуры,
профиль: правоохранительная и правозащитная деятельность,
прокурорский надзор, судебная власть,
Юридический институт
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*

Аннотация: статья раскрывает проблемы, с которыми сталкивается на современном этапе развития общества омбудсмен. На основе научных исследований показаны особенности работы данного института в России. Особое внимание уделено процессу глобальной цифровизации, формированию новой системы ценностей в социуме, правосознанию населения, повышению уровня правовой грамотности подрастающего поколения.

Ключевые слова: омбудсмен, общество, цифровизация, правосознание, ценности, право, правовая культура, менталитет, государство.

На сегодняшний день в современной России актуальной остается проблема развития института Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. Одновременно, наблюдается необходимость в повышении эффективности его деятельности по содействию защиты прав детей, что сдерживается рядом проблем.

Успешность работы Уполномоченного по правам ребенка, как института независимого контроля общества за деятельностью государственных органов по обеспечению прав детей, непосредственно связана с организационно-правовым статусом омбудсмена. Анализ деятельности работы Уполномоченных на общественных началах показал наличие ряда проблем финансового и организационно-технического характера. Соответственно, это привело к снижению результативности их работы, и как следствие – несоблюдение первоначально

заложенного принципа контроля за деятельностью государственных органов по соблюдению прав детей [5, с. 106].

Вместе с тем, особого внимания в настоящее время заслуживает вариант, при котором должность омбудсмена вводится законом субъекта Российской Федерации. В нем закреплены правовые основы, принципы и гарантии деятельности Уполномоченного по правам ребенка. В данном случае, омбудсмен назначается законодательным (представительным) органом власти, либо с его согласия. Таким образом он может получить определенную независимость в работе, что является ключевым моментом для данного института.

Следует выделить еще одну явную проблему в деятельности Уполномоченного по правам ребенка, а именно на сайте регионального омбудсмена как правило акцент сделан на выполнение поручений Уполномоченного при Президенте по правам ребенка. Одновременно, осуществление детскими омбудсменами своих прямых обязанностей по защите прав ребенка в своем регионе остается на втором плане. Это невольно является косвенным свидетельством того, что проблемы региона по гарантии соблюдения прав ребенка, остаются на последнем месте. Поэтому, актуальной проблемой является освещение на сайте омбудсмена решение круга вопросов по защите прав ребенка в регионе. Это позволит не только придать публичный характер ряду проблем, но и провести «правовой ликбез» в целях повышения уровня правовой культуры граждан [2, с. 86-87].

В современном гражданском обществе суть института омбудсмена заключается в том, что это единственный государственный орган, у которого не должно быть вышестоящей организации. Он вправе делать свою каждодневную работу так, как знает и умеет в рамках понимания своих функций и должностных обязанностей.

Согласно действующему российскому законодательству, каждый омбудсмен в своей деятельности должен «определить» место и роль в становлении института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах. Это необходимо для эффективного выполнения ими своих профессиональных функций по защите прав ребенка в стране.

Следующая проблема, которая не теряет актуальность на сегодняшний день – насилие против детей. Как раз в этом вопросе, нужно ориентироваться на мировую и европейскую тенденцию, по запрету условно-досрочного освобождения лиц, совершивших насилие над ребенком. Одновременно актуальным остается вопрос контроля за освобожденными лицами, которые совершили преступления насильственного характера против детей.

Как показала практика, насилие уходит с улиц, в связи с ужесточением наказания, и перемещается в семью. Большинство преступлений в отношении детей совершаются в семье. Как правило их совершает отец или мать в пьяном виде, случайный знакомый, пришедшей к матери, которая готова закрыть глаза на совершение противоправных действий в отношении ее ребенка, но умалчивает этот факт, чтобы устроить свою личную жизнь. Именно таких родителей следует привлекать к ответственности как соучастников преступления.

Неплохо было бы воспользоваться практикой Великобритании в этом вопросе. Согласно действующему английскому законодательству, соучастником преступления может стать человек, который видел, что ребенка ведет не его родитель или родственник, а потом с ребенком что-то происходит, но он вовремя не сообщил об этом правоохранительным органам. Поэтому, следует пересмотреть пассивную позицию граждан, являющихся «сторонними наблюдателями» противоправных действий и не только в отношении ребенка.

Считаем, что нужно обратиться за наработанным многолетним опытом к МЧС России, которое лучше всех освоило этот фронт работы. У них есть единая спасательная служба, психологи, специалисты, которые сразу реагируют на любой звонок.

К примеру, в некоторых регионах очень активно вводится практика, когда в школе заводится личное дело на ребенка, где подробно описывается обозначенная проблема и данные практические советы. Нередко к этой работе над проблемой привлекается психолог и социальный педагог. Поэтому «наработанный» практический опыт в этом вопросе, следует

вводить в российских регионах, что во многом будет способствовать эффективности работы омбудсмана [3, с. 118-121].

Таким образом, можно утверждать, что формирование идеологии в детской и молодежной политике – важная и необходимая задача Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации. Основные компоненты механизма гарантий воспитания национального правосознания предусматривают его структурное изучение в индивидуальном, групповом и общечеловеческом аспектах, как главным результате общественного развития.

В современной России процесс глобальной цифровизации способствовал формированию новой системы ценностей, далеких от многовековой традиционной системы, что неизменно отразится на деятельности Уполномоченного. При решении вопросов в области защиты прав ребенка, следует учитывать менталитет современного поколения для которых интернет-пространство стало смыслом и главным жизненным ориентиром. Именно «цифровое пространство» стало определять межличностные отношения в детской среде, подростковой, молодежной, а также в семьях, учебных заведениях.

Многочисленные социальные опросы показали, что в группе риска как правило оказываются дети и подростки из неблагополучных семей. К тому же, достаточно четкие, а порой непреодолимые «социальные границы» в семьях, детских садах, школах, техникумах, колледжах, ВУЗах, и в самом обществе создают благоприятные условия для антагонизма в социальной среде, порождают деформированное восприятие современных морально-нравственных, духовных и правовых ценностей.

Следует отметить, что правосознание общества нового столетия формируется под влиянием событий конца XX века, а именно - разрушения духовно-нравственных ценностей общества, искажения исторического образа России в народном сознании. Поэтому переосмысление социумом своего культурного, исторического и религиозного наследия, потребует достаточно длительного времени, так как параллельно происходит формирование действенных правозащитных механизмов, обеспечивающих реализацию в жизни российского

законодательства. От этого напрямую зависит не только социальная стабильность, но и определение вектора деятельности омбудсмена.

Полагаем, что в настоящее время Уполномоченному по правам ребенка следует принять непосредственное участие в решении вопросов по формированию правосознания граждан в Российской Федерации. Это подразумевает знание законов, умение применять их в повседневной жизни, принятие и следование социально-правовым и морально-нравственным ценностям общества, что приобретает все большую актуальность в условиях глобального процесса цифровизации.

Необходимо обратить особое внимание повышению уровня правовой грамотности подрастающего поколения, где в основу будет заложен не принцип «мне все обязаны», а представления о действующей российской правовой системе и степени ответственности за противоправные деяния. В настоящее время Россия стоит перед необходимостью возродить национальные ценности, определяющие будущее общества и государства, а также ее роль и место на международной арене. Это особенно важно в период глобального процесса цифровизации, исключающего возможность изолирования какого-либо государства или региона.

Список литературы / References

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.03.2021).
2. Барри Д. Конституционный суд России глазами американского юриста // Государство и право, 2010. № 12. С. 86-87.
3. Дроздова А.М., Шимко Л.С. Особенности правового статуса несовершеннолетних // Теория государства и права, 2019. № 2. С. 118-121.

4. Дроздова А.М., Ахмадова А.К. Уполномоченный по правам человека как гарант защиты прав и свобод личности// Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека: Сборник научных работ преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Ставрополь, 2019. С. 128-137.
-

REMOTE PARTICIPATION IN THE CRIMINAL PROCESS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Popova A.V. (Russian Federation)

Email: Popova521@scientifictext.ru

*Popova Alina Viktorovna – Student,
FACULTY OF LAW,*

VOLGO-VYATSKY INSTITUTE (BRANCH)

*FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF
HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION MOSCOW STATE LEGAL
UNIVERSITY NAMED AFTER O.E. KUTAFIN (MGUA), KIROV*

Abstract: *the article notes the relevance of creating legal mechanisms for videoconferencing in court sessions in criminal cases. The author studied the legislation, literature on remote participation in the court protocol in the criminal process. In the work of communication, attention is drawn to the gaps in the legislative regulation of the process of video conferencing and web conferencing. The author examines the advantages of using remote methods of participation in the trial.*

Keywords: *court session, criminal procedure, video conferencing, web conference, remote participation, witness.*

ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Попова А.В. (Российская Федерация)

*Попова Алина Викторовна – студент,
юридический факультет,
Волго-Вятский институт (филиал)
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
Московский государственный юридический университет им.
О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров*

Аннотация: в статье отмечается актуальность создания законных механизмов проведения видеоконференц-связи в судебных заседаниях по уголовным делам. Автором изучено законодательство, литература о дистанционном участии в судебном заседании в уголовном процессе. В работе обращается внимание на пробелы законодательного регулирования процесса осуществления видео-конференц-связи и веб-конференции. Автор рассматривает в работе преимущества дистанционных способов участия в судебном заседании.

Ключевые слова: судебное заседание, уголовный процесс, видео-конференц-связь, веб-конференция, дистанционное участие, свидетель.

УДК 343.139

С помощью современных технических средств у судов появилась возможность проводить заседания в формате видео связи и аудио связи. При таком способе проведения процесса его участники осуществляют процессуальные действия, не находясь в непосредственном контакте.

Актуальность обозначенной темы заключается в отсутствии устойчивого законодательного регулирования поставленных вопросов и, как следствие, в наличии различных точек зрения ученых и юристов, а также судов. Кроме того, одним из основных направлений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017- 2030 гг. [1] выступает

стремительное развитие информационных технологий и цифровизация всех сфер государственного управления. Поэтому внедрение технологий, обеспечивающих дистанционное участие сторон в судебном заседании, в судебную систему Российской Федерации является одной из ключевых задач совершенствования судебного производства.

О необходимости расширения института иных форм участия в уголовном процессе высказываются Д. Х. Валеев и Н. Н. Маколкин, указывая, что «принимаемые против пандемии COVID-19 меры способны катализировать процессы автоматизации и цифровизации рабочих процессов. Это началось задолго до пандемии, но именно сейчас стало в наивысшей степени актуальным и необходимым» [2].

Дистанционное судопроизводство в Российской Федерации осуществляется посредством использования такой информационной технологии, как «видео-конференц-связь». Порядок применения данной технологии предусмотрен статьей 278.1, частью 2 статьи 401.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], Приказом Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации №401 от 28.12.2015 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» [4]. Кроме того, повсеместному использованию видео-конференц-связи способствовало принятие Концепции информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента, установившей порядок создания Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие».

Видео-конференц-связь (далее - ВКС) - технология для осуществления процессуальных действий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с использованием аппаратно-программных средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами. Необходимость внедрения данной технологии была предопределена рядом факторов, в частности, территориальная удаленность и недостаток времени участников процессуальных отношений. Но, несмотря на несомненные достоинства данной формы организации судебных заседаний, некоторые авторы

считают, что отсутствие визуального контакта между участниками процесса порой не позволяет определить, говорит ли человек правду [5]. Считаем данную позицию необоснованной, так как сам факт дистанционного участия не может серьезным образом повлиять на решение судьи.

Судебная система Российской Федерации вынуждена функционировать в условиях глобальных вызовов и социально-экономических процессов, соответственно, возникает необходимость внедрения и использования новых технологий ведения судопроизводства. Одним из таких вызовов стала пандемия COVID-19, существенно повлиявшая, в том числе, и на судебное производство. В целях недопущения распространения новой инфекции Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета судей Российской Федерации 08.04.2020 приняли Постановление № 8211 [6], в соответствии с которым судам необходимо инициировать рассмотрение дел путем использования систем ВКС при наличии технической возможности, в том числе при рассмотрении дел и материалов безотлагательного характера, а также дел о защите конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, охрану здоровья и собственности (на данный момент Постановление №8211 признано утратившим силу). Действительно, с 2020 по 2021 гг. количество уголовных дел, рассмотренных судами с использованием ВКС, существенно увеличилось по сравнению с предыдущими годами. Так, например, согласно данным официальной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, за 2020 год судами первой инстанции рассмотрено более 15 тысяч уголовных дел с использованием ВКС [7].

Механизм использования ВКС при допросе свидетелей в уголовном процессе недостаточно регламентирован в сравнении с арбитражным процессом, в котором активно применяются технологии ВКС. В частности, одним из ключевых условий проведения судебного заседания в арбитражном суде посредством ВКС является наличие у суда технической возможности для участия в таком судебном заседании. Данное понятие было разъяснено в пункте 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2011 № 12, в соответствии с

которым под наличием технической возможности понимается «наличие в арбитражном суде исправной системы ВКС и объективной возможности проведения судебного заседания данным способом в пределах установленного законом срока рассмотрения дела» [8]. Относительно толкования вышеуказанного понятия в уголовном процессе, разъяснения Пленума Верховного Суда отсутствуют, поэтому данное разъяснение, на наш взгляд, может быть использовано по аналогии. При наличии у суда технической возможности использовать ВКС (зал свободен, есть подключение к интернету, разница во времени не имеет значения и тому подобное) суд может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования видеоконференц-связи. В таком случае свидетель в день судебного заседания приходит не в сам суд, рассматривающий дело, а в суд по месту его нахождения

Не менее значимой в уголовном судопроизводстве выступает фигура потерпевшего, поскольку в ряде случаев только по его воле может быть инициировано уголовное преследование лица, а в других от потерпевшего зависит квалификация преступления. По нашему мнению, совокупный правовой статус потерпевшего в уголовном процессе при рассмотрении дел, помимо случаев разбирательства в его отсутствие, предусмотренных положениями уголовно-процессуального закона также позволяет обеспечить реализацию его прав посредством участия по ВКС, что активно применяется в судебной практике и не имеет каких-либо существенных препятствий, в то время как ранее такие положения являлись дискуссионными и встречали много критики как со стороны научных исследователей, так и практических работников [9].

Вместе с тем следует отметить иные способы видеосвязи, кроме ВКС, обеспечивающие видео- и аудио присутствие лица в зале судебного заседания («Skype», «Zoom» и другие). Помимо возможных практических проблем при данном участии, относимых в основном к организации судебной деятельности (установление личности, получение подписки о правах и других), главным образом возникает вопрос правовой неурегулированности уголовно-процессуальным законом применения иных форм видеосвязи. Как отмечает председатель Совета судей Российской Федерации В.В.

Момотов, «законодателю следует определить принцип непосредственности относительно ВКС, установить допустимые рамки использования видеосвязи» [10].

Таким образом, представляется, что сложившаяся ситуация в период угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) должна стать отправной точкой расширения применения видео-конференц-связи и иных форм видеосвязи. Данные технологии способствуют обеспечению прав и интересов участников процесса, формированию уважительного отношения к закону и суду, повышению качества и эффективности судопроизводства. Среди ключевых достоинств их применения можно выделить следующие:

1) Экономия времени. С одной стороны, сокращение сроков рассмотрения судебных дел, что повышает оперативность судопроизводства, так как не нужно откладывать судебное заседание в случае неявки или несвоевременной доставки участника. С другой стороны, снижение затраченного времени участников процесса, связанного с проездом до суда и обратно.

2) Повышение доступности правосудия. Решается проблема участия в рассмотрении дел для лиц, проживающих или находящихся далеко от места расположения суда, физически ограниченных, не подлежащих перемещению по медицинским показаниям, находящихся в местах лишения свободы или содержания под стражей.

3) Сокращение финансовых расходов. Для физических и юридических лиц экономия денежных средств на проезд от места жительства или нахождения до места расположения суда, проживание в другом городе, оплату командировки юриста и другое.

Соответственно, исследование порядка осуществления дистанционного участия в судебных заседаниях уголовного процесса позволило сформировать целостную картину по поставленным вопросам, а также выявить недостатки действующего нормативно-правового регулирования.

Несомненно, дистанционный формат участия в судебных заседаниях это новый шаг навстречу более доступной и удобной системе защиты прав и интересов граждан. Однако, как и любое

нововведение в правовой системе Российской Федерации оно еще не получило должной регламентации в законодательстве.

Список литературы

1. Российская Федерация. Указы. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 -2030 годы» №203 от 09.05.2017. // pravo.gov.ru: официальный сайт, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687/> (дата обращения: 26.09.2021).
2. *Валеев Д.Х., Маколкин Н.Н.* Прогнозирование динамики судебной защиты в условиях цифровизации / Д.Х. Валеев, Н.Н. Маколкин // Вестник гражданского процесса, 2020. № 3. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-227-243/> (дата обращения: 27.09.2021).
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: [принят Государственной думой 22.11.2001 г.: одобрен Советом Федерации 05.12.2001 г.]. // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 174. Ст. 4921.
4. Российская Федерация. Приказ. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации №401 от 28.12.2015. Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт, 2015. <https://docs.cntd.ru/document/420346559/> <https://docs.cntd.ru/document/420346559/> (дата обращения: 26.09.2021).
5. *Силантьева И.Р.* Проблемы и перспективы использования систем видеоконференцсвязи в процессе правореализации / И.Р. Силантьева. Текст: электронный. // Вектор науки ТГУ, 2013. №1 // <https://docs.cntd.ru/document/420346559/> http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media90388/52Silantieva.pdf/ (дата обращения: 27.09.2021).

6. Российская Федерация. Постановление. Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета судей Российской Федерации: постановление от 08.04.2020 № 8211. Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт, 2020. <https://docs.cntd.ru/document/420346559/> https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28836/ (дата обращения: 03.08.2021).
7. За 2020 год суды рассмотрели по видеосвязи более 115 тыс. уголовных дел и материалов Текст: электронный // РАПСИ [сайт], 2021. <https://docs.cntd.ru/document/420346559/> http://rapsinews.ru/judicial_department_news/20210420/306987364.html/ (дата обращения: 26.09.2021).
8. Российская Федерация. Постановление. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: постановление пленума от 17.02.2011 № 12. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. Текст: электронный.
9. *Архипова Е.А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: специальность 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук / Екатерина Александровна Архипова; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва, 2013. 198 с. Текст: непосредственный.
10. Судья может оказаться в плену ложных историй Текст: электронный // Правовой репортер [сайт], 2020. <https://docs.cntd.ru/document/420346559/> <https://legal.report/momotov-o-sudebnoj-video-konferenc-svyazi-sudua-mozhet-okazatsua-v-plenu-lozhnyh-istorij/> (дата обращения: 26.09.2021).

**XXI INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
Boston. USA. December 28-29, 2021
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share — copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt — remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution — You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.
ShareAlike — If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

**ISBN 978-1-64655-115-6
INTERNATIONAL CONFERENCE**

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

DISTRIBUTED FREE OF CHARGE